

18+

ВЯЧЕСЛАВ ГОТ

**ПОПАДАНЕЦ 1941.
ВЯЗЕМСКИЙ КОТЁЛ**

ВЫРВАТЬСЯ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Вячеслав Гот

Попаданец 1941. Вяземский котёл

«Издательские решения»

Гот В.

Попаданец 1941. Вяземский котёл / В. Гот — «Издательские решения»,

Октябрь 1941 года. Операция «Тайфун». Группы армий «Центр» рвутся к Москве. Вокруг Вязьмы замыкается кольцо, в котором оказываются сотни тысяч солдат Красной Армии. Герой, современный историк-реконструктор, приходит в себя в грязи распутицы, с «Мосинкой» в руках и пониманием того, что он находится в самом центре величайшей военной катастрофы. Чтобы выжить и спасти других, ему придется стать не просто командиром, но и нарушить законы времени.

© Гот В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Грязь октября	6
Глава 2. Эффект бабочки	9
Глава 3. Кольцо сжимается	13
Глава 4. Незнакомец в шинели	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Попаданец 1941. Вяземский котёл

Вячеслав Гот

© Вячеслав Гот, 2026

ISBN 978-5-0071-4149-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Грязь октября

Первое, что он почувствовал — холод. Не тот бодрящий морозец ноябрьского утра, к которому он привык за годы реконструкций, а промозглую, пробирающую до костей сырость. Вода затекла за воротник гимнастёрки, стекала по позвоночнику. Второе — запах. Гарь, смешанная с бензином, и что-то ещё, сладковато-тошнотворное, что он узнал не сразу. Порох. И кровь.

Андрей открыл глаза и тут же зажмурился — в лицо ударил мелкий, злой дождь пополам со снежной крупой. Небо было низким, свинцовым, чужим.

«Где я?»

Мысль пришла вяло, будто сквозь вату. Он лежал на спине в кювете, наполовину заполненном жидкой грязью. Правый бок упирался во что-то твёрдое и ребристое. Андрей повернул голову — и увидел колесо. Огромное, с погнутым ободом, заляпанное грязью так, что не разобрать цвета. Дальше — искореженный кузов полуторки, завалившийся набок. Из кабины торчала рука в брезентовом рукаве. Рука не двигалась.

«Полуторка. ГАЗ-АА. Настоящая».

Мысль была абсурдной — откуда в Подмосковье, в двадцать первом веке, настоящая полуторка? Он же ехал на реконструкцию, на «Вяземский котёл-41», в автобусе с ребятами из клуба. Костюмы, макеты оружия, термосы с чаем. Обычная суббота.

Он попытался сесть. Тело отозвалось болью — тупой, разлитой, но терпимой. Не перелом. Уже хорошо. Андрей упёрся ладонями в грязь, и его правая рука наткнулась на что-то длинное и холодное. Пальцы сами сомкнулись на гладком дереве. Ложе. Он потянул — и из жижи вылезла винтовка. Мосинка. Трёхлинейка образца 1891/30 года. С примкнутым штыком.

Андрей смотрел на неё, и в голове было пусто. Не страх, не паника — просто вакуум. Он знал эту винтовку в каждой детали, разбирал и собирал сотни раз на реконструкторских сборах. Но эта была не макет. Эта была настоящая. Тяжёлая. С запахом оружейной смазки и пороховой гари в канале ствола.

Он поднялся на ноги. Медленно, держась за колесо полуторки. Ноги дрожали, но держали. Вокруг был лес — редкий, ободранный, с поломанными ветками. Дальше, за деревьями, клубился дым. Много дыма. Горело что-то большое.

«Где автобус? Где ребята?»

Он обернулся. Дорога — разбитая, с колёсами глубоких колеи, залитая водой. На дороге — тела. Он видел их краем глаза, не хотел смотреть прямо, но взгляд цеплялся сам. Серые шинели, пилотки, разбросанные винтовки. Кто-то лежал лицом вниз, кто-то на спине, раскинув руки. Лужи под ними были тёмными, почти чёрными.

Вдалеке ухнуло. Низко, тяжело, раскатисто. Земля дрогнула под ногами. Андрей присел на корточки, вжался спиной в колесо полуторки. Сердце колотилось где-то в горле.

— Это не реконструкция, — прошептал он. — Это не реконструкция.

Пиротехника на реконструкциях была холостой. Имитация. Здесь же в воздухе висел настоящий запах смерти.

Слева, из-за поворота дороги, показались люди. Много людей. Они бежали — не организовано, не строем, а как-то хаотично, спотыкаясь, оглядываясь. Красноармейцы. Шинели, каски, винтовки за спиной. У некоторых — скатки, у некоторых — ничего. Один, молодой, с окровавленным лицом, упал, попытался встать и снова упал. Никто не остановился.

Андрей хотел крикнуть — но голос застрял в горле. Что он скажет? Кто он для них?

И тут он услышал рёв. Сначала далёкий, потом всё ближе. Моторный, с лязгом. Танк. Немецкий танк. Он выкатился из-за деревьев на дорогу, и Андрей увидел чёрный крест на башне. Т-III. «Тройка». Он узнал силуэт мгновенно — столько раз рассматривал фотографии и хроники.

Башня медленно развернулась. Ствол смотрел в сторону бегущих.

— Ложись! — заорал Андрей.

Он сам не понял, как это вырвалось. Но крик утонул в грохоте. Танк выстрелил. Снаряд разорвался в гуще людей, и на дороге образовалась кровавая каша. Крики, вой, свист осколков.

Андрей вжался в землю. Грязь забила в нос, в рот. Он лежал и считал удары сердца. Один. Два. Три. Где-то рядом свистели пули — тонко, зло.

«Я в 1941 году, — подумал он. — Я в Вяземском котле. И я — лейтенант РККА».

Откуда пришла эта мысль, он не знал. Но она была не предположением — она была знанием. Как будто кто-то вложил её в голову вместе с холодом и грязью. Он посмотрел на свои петлицы. Две «шпалы». Лейтенант. На гимнастёрке — следы грязи, но знаки различия читались отчётливо.

Танк проехал мимо, не заметив его. Лязг гусениц удалялся. Андрей поднял голову. Дорога опустела — те, кто мог бежать, убежали. Остались только тела.

Он встал. Винтовка в руках казалась продолжением тела. Он передёрнул затвор — патрон в патроннике. Боевой.

— Так, — сказал он вслух, и собственный голос показался чужим. — Так. Думай. Ты историк. Ты знаешь, что здесь было. Ты знаешь, что будет.

Он знал. Вяземский котёл. Октябрь 1941. Окружение четырёх армий. Сотни тысяч пленных. Дорога на Москву открыта. И он — здесь. Один. С винтовкой и знанием, которое может его убить быстрее, чем немецкая пуля.

Андрей сделал шаг. Потом второй. Грязь чавкала под сапогами. Он пошёл на восток — туда, где, по его расчётам, должен был быть фронт. Туда, где ещё оставались свои.

Через сотню метров он услышал стон. Тонкий, слабый. Из придорожных кустов. Он остановился, сжал винтовку и шагнул в сторону.

В кустах лежал сержант. Немолодой, с седыми висками, в расстёгнутой шинели. Кровь пропитала живот, но он был жив. Глаза смотрели на Андрея — мутные, но осмысленные.

— Товарищ лейтенант... — прохрипел он. — Не бросай...

Андрей присел рядом. В голове пронеслось: «Я не врач. Я не могу его спасти. Я даже не знаю, как правильно накладывать жгут». Но руки уже делали что-то сами — разрывали рубаху, искали рану.

— Как тебя звать? — спросил Андрей.

— Семён... Семён Ковалёв. Второй батальон, 128-й стрелковый...

— Держись, Семён. Сейчас перевяжу.

— Не надо, — сержант слабо улыбнулся. — Всё равно не дойду. Ты иди. Ты молодой. Тебе жить.

Андрей замер. Слова были простые, но в них было столько, что горло сжало. Он смотрел на этого человека, который умирал в грязи, но думал не о себе.

— Нет, — сказал Андрей. — Я тебя не брошу.

Он не знал, как это сделать. Не знал, хватит ли сил. Но он знал одно: если он сейчас уйдёт, если бросит — он перестанет быть человеком. А без этого здесь не выжить.

Он подхватил сержанта под руки и потащил к дороге. Тот стонал, но не кричал. Терпел.

Дождь усиливался. Грязь становилась всё глубже. Где-то снова ухнули орудия. Война не спрашивала, готов ли он. Война просто была.

— Ничего, Семён, — бормотал Андрей, волоча его по разбитой дороге. — Прорвёмся. Мы обязательно прорвёмся.

Он не знал, что впереди — недели окружения, голод, холод, отчаяние. Он не знал, что ему придётся стать тем, кем он никогда не был. Он знал только одно: он должен идти. Шаг за шагом. На восток. К своим.

Грязь октября засасывала сапоги, но он шёл.

Глава 2. Эффект бабочки

Они прошли не больше километра, когда Андрей понял — так они далеко не уйдут. Сержант Ковалёв с каждой минутой становился тяжелее, ноги у него подкашивались, и Андрею приходилось почти волочить его на себе. Шинель пропиталась кровью насквозь и стала скользкой. Дождь превратил дорогу в месиво.

— Стой, — выдохнул Андрей, опуская сержанта на обочину у поваленного дерева. — Передохнём.

Ковалёв сполз по стволу, привалился спиной. Лицо у него было серое, как осеннее небо, но глаза смотрели ясно.

— Ты бы шёл, лейтенант, — сказал он тихо. — Я всё равно не жилец. Немец прёт, а мы как куропатки.

— Разговорчики, — отрезал Андрей, хотя внутри всё сжалось. Он снял с себя ремень, стянул гимнастёрку и принялся рвать её на полосы. — Давай посмотрю рану.

Он раздвинул шинель сержанта. Рана была сквозная — пуля вошла под рёбрами справа и вышла через бок. Кровило сильно, но, судя по цвету, не артерия. Печень? Не похоже. Скорее всего, задело мягкие ткани. Жить будет. Если не загноится. Если не потеряет слишком много крови. Если.

Андрей наложил повязку — неуклюже, но плотно. Ковалёв скрипел зубами, но терпел. Когда он закончил, сержант посмотрел на него внимательно и спросил:

— Ты чей будешь, лейтенант? Не из наших. Я всех командиров в батальоне знаю.

Вопрос прозвучал просто, но Андрей почувствовал в нём холодок. Проверка. В 1941 году за такого, как он, могли и к стенке поставить — шпион, диверсант, переодетый враг.

— Из штаба армии, — соврал он как можно увереннее. — Приказ на прорыв. Связь потеряна, документы при себе не было. Всё, что осталось — вот. — Он кивнул на винтовку.

— Из штаба, — повторил Ковалёв и вдруг усмехнулся, кривя губы от боли. — А почему тогда немца с ходу определил? «Тройка», ты сказал. Откуда знаешь, что «тройка»?

Андрей замер. Он действительно выкрикнул это вслух — в горячке боя, не подумав. В сорок первом далеко не каждый красноармеец с ходу различал марки немецких танков. А он — лейтенант из штаба — назвал «Тройку» как таблицу умножения.

— По силуэту, — сказал он как можно спокойнее. — На курсах изучали. Матчасть противника.

Ковалёв не ответил. Только смотрел долго, прищурившись. Потом кивнул — медленно, будто делая пометку в памяти. Мол, ладно, живи пока.

Андрей понял: доверия нет. Пока — только терпимость. И это было лучше, чем ничего.

Они двинулись дальше через полчаса. Ковалёв уже мог идти сам, опираясь на винтовку. Андрей шёл впереди, вслушиваясь в лес. Дождь стих, но небо осталось глухим. Пахло мокрой хвоей, дымом и чем-то ещё — тревожным.

Он думал. Лихорадочно, обрывками.

Вяземский котёл. Октябрь 1941. Немцы замкнули кольцо двенадцатого октября. Внутри — четыре армии: девятнадцатая, двадцатая, тридцать вторая, двадцать четвёртая. Больше миллиона человек. В плен попадут сотни тысяч. Те, кто прорвётся, выйдут к Можайской линии обороны — но немногие.

Дальше — только хуже. Голод. Холод. Тиф. Леса, болота. Партизаны.

Что я могу? У меня нет связи. Нет карты. Нет людей. Я один.

Но я знаю, что будет. Знал, где немцы ослабили кольцо. Знал, где стояли их части. Знал, потому что читал об этом десятки раз.

Только вот знание — это не оружие. Пока.

Слева хрустнула ветка. Андрей замер, вскинул винтовку. Ковалёв тоже остановился, присел, мгновенно забыв о боли.

Тишина. Потом — голоса. Немецкие. Отрывистые, спокойные.

Андрей пригнулся, потянул сержанта за собой, в кусты. Сердце билось где-то в ушах. Он знал, что делать — тело помнило реконструкторские тренировки, руки сами проверяли затвор. Но одно дело — холостой бой, другое — когда в ответ летит настоящее.

Из-за деревьев вышли трое. Немцы. В серо-зелёных шинелях, с карабинами на плечах. Шли неспешно, будто на прогулке. Один что-то говорил, второй смеялся. Третий — молодой, белобрысый — смотрел по сторонам, но без особого внимания. Они не ждали здесь противника. Они считали, что окружение завершено и русские либо сдались, либо разбежались.

Андрей смотрел на них и чувствовал странное. Не ненависть — её не было. Он никогда не видел этих людей. Он видел врага — абстрактного, книжного. А сейчас перед ним были живые. Смеющиеся. Уставшие. Такие же люди.

— Стреляй, — сказал внутренний голос. Это война. Они пришли на твою землю. Они убивают твоих.

Стреляй

Он не мог. Палец не двигался. В горле пересохло.

Ковалёв рядом медленно поднял винтовку. Руки у него дрожали от слабости, но взгляд был твёрдый. Он целился в немца.

Андрей понял: если сержант выстрелит — его, раненого, немцы заметят сразу. И тогда всё кончится.

Он схватил Ковалёва за руку, прижал к земле. Сержант посмотрел на него — с яростью, с недоумением.

— Тихо, — прошептал Андрей. — Их трое. Мы не справимся.

— А если они нас увидят?

— Не увидят. Лежим.

Немцы прошли мимо. В десяти метрах. Андрей слышал запах их пота, табака, кожаных ремней. Один бросил окурок — тот зашипел в мокрой траве. Потом они ушли.

Ковалёв посмотрел на Андрея долгим взглядом.

— Ты почему не дал стрелять?

— Их трое, — повторил Андрей. — И они не смотрят в нашу сторону. Если бы мы открыли огонь, они бы успели ответить. Или их товарищи услышали бы выстрелы. Тогда нам конец.

— А если они вернутся?

— Не вернутся. Они идут на восток, к шоссе.

Ковалёв молчал. Потом сказал:

— Ты слишком много знаешь, лейтенант.

Андрей ничего не ответил. Он и сам это понимал.

Они пошли дальше. И через полчаса наткнулись на группу красноармейцев — пятеро, все вооружённые, все из разных частей. Они сидели в овраге, прятались от дождя. Увидев Андрея с винтовкой и Ковалёва с перевязанным боком, напряглись. Старший — старшина с обветренным лицом — шагнул навстречу.

— Кто такие?

— Лейтенант Воронов, — сказал Андрей, не моргнув. Он сам не знал, откуда взялась эта фамилия — просто вырвалась. — Иду из окружения. Сержант Ковалёв, ранен. Нужна помощь.

Старшина оглядел его. Потом Ковалёва. Потом остальных.

— А чего это вы двое по лесу шастаете, когда немцы вокруг? — спросил он с подозрением. — И документы у вас где?

— Всё, что было, потерял при бомбёжке, — сказал Андрей. — Если не верите — можете проверить. Я не дезертир. Я иду на восток, к своим.

— На восток, — усмехнулся старшина. — Там немцы. Кольцо. Нас уже окружили.

— Знаю, — сказал Андрей. И добавил, тихо, но твёрдо: — Кольцо не сплошное. Есть разрывы. Если идти быстро и не по дорогам — можно пройти.

Старшина прищурился.

— Откуда знаешь?

— Разведка, — коротко сказал Андрей.

Он врал. Он знал из книг. Из хроник. Из реконструкций. Но разве это объяснишь?

Старшина долго смотрел на него. Потом сплюнул под ноги.

— Ладно. Идём вместе. Но если ты, лейтенант, нас заведёшь куда не надо — сам знаешь, что будет.

— Знаю, — сказал Андрей.

Он не знал. Но теперь с ним были люди. Пятеро бойцов. Раненый сержант. И знание, которое он не мог объяснить, но должен был использовать.

Эффект бабочки уже начался. Только вот где та бабочка, которая вызовет нужную бурю — он пока не понимал.

Глава 3. Кольцо сжимается

К вечеру их стало одиннадцать. Костяк — те пятеро из оврага во главе со старшиной, которого звали Григорий Панов. Потом подтянулись ещё трое — связисты без рации, с одними карабинами и мотком провода, который теперь был бесполезен. Последним, уже в сумерках, из лесополосы выполз красноармеец с обожжённым лицом, без винтовки и почти без сознания. Его звали Петя, и ему было девятнадцать. Он всё время повторял одно и то же: «Мы не успели. Мы не успели».

Андрей слушал его и думал: не успели. Это ключевое слово сорок первого. Все куда-то не успевали. Кто-то — занять оборону. Кто-то — отойти. Кто-то — жить.

Они шли просёлками, обходя большие дороги. Дождь не прекращался — то моросил, то лил стеной. Грязь стала главным врагом. Сапоги вязли по голенище, каждый шаг отнимал силы. Ковалёв держался, но всё чаще отставал, и Андрей приноравливался к его шагу.

Панов шёл рядом, молчал. Он был из тех, кто сначала смотрит, потом говорит. И Андрей чувствовал этот взгляд на себе — тяжёлый, оценивающий.

— Ты, лейтенант, — наконец сказал старшина, — вроде и командир, а ведёшь нас как-то странно.

— Как — странно?

— Не по-уставному. Вроде и на восток идём, но не напрямую. Крюки даём. Почему?

Андрей вздохнул. Объяснять было опасно. Но и врать дальше — тоже. Он выбрал полуправду.

— Потому что напрямую — там немцы. Они наступают по шоссе и по железной дороге. Там их танки, мотопехота, артиллерия. А мы — одиннадцать человек с винтовками. Если мы выйдем на шоссе — нас просто раздавят.

— А куда мы тогда идём?

— Туда, где их меньше. Просёлки, леса, болота. Там они не любят ходить. Там можно проскользнуть.

Панов хмыкнул.

— Умно. Только вот кто тебе сказал, что там, где меньше немцев, есть наши?

Андрей не ответил. Он и сам не знал. Он знал только одно: в кольце под Вязьмой были участки, где немцы ещё не успели закрепиться. Разрывы. Их было немного, они быстро закрывались, но они были. Если успеть — можно проскочить.

Если успеть.

Ночью они наткнулись на штаб. Случайно — просто вышли на опушку и увидели блиндажи, машины, часовых. Свои. Красноармейцы, командиры в фуражках, связные с пакетами. Жизнь шла своим чередом — как будто не было никакого окружения.

Андрей почувствовал, как у него отпустило внутри. Впервые за этот день.

К ним подошёл капитан с усталым лицом.

— Кто такие? Почему не в части?

— Выходим из окружения, — сказал Андрей. — Лейтенант Воронов. Одиннадцать человек, один раненый.

— Раненого — в санчасть, — капитан махнул рукой в сторону блиндажа. — Остальные — к коменданту. Доложите о прибытии.

В блиндаже было тесно, накурено, и пахло типографской краской. За столом сидел полковник — седой, с воспалёнными глазами, в расстёгнутом кителе. Перед ним лежала карта. Он слушал доклад какого-то майора и хмурился.

— Товарищ полковник, — начал Андрей, — лейтенант Воронов. Группа военнослужащих, одиннадцать человек, выходит из окружения...

Полковник поднял на него глаза. Мутные, красные. Он смотрел секунду, потом махнул рукой.

— Знаю. Все выходят. Все. — Он ткнул пальцем в карту. — Немцы здесь, здесь и здесь. Кольцо замкнулось вчера. Связи со штабом фронта нет. Приказа нет. Только одно: стоять насмерть. Ни шагу назад.

Он произнёс это, и в голосе не было ни пафоса, ни веры. Только усталость.

— Товарищ полковник, — сказал Андрей. — Разрешите доложить обстановку?

Полковник прищурился.

— Докладывай.

Андрей подошёл к карте. Он смотрел на неё, и в голове проносились страницы книг, схемы, хроники. Он знал этот район. Знал, где немцы замкнули кольцо. Знал, где были их танковые клинья, а где — пехота. Знал, что штаб 19-й армии попал в окружение у Вязьмы, а штаб 20-й — восточнее.

— Кольцо не сплошное, — сказал он, водя пальцем по карте. — Вот здесь, между Угрой и Вязьмой, у немцев разрыв. Они ещё не успели подтянуть пехоту. Танки прошли вперёд, а пехота отстала. Если мы ударим в этом направлении — можем прорваться.

Полковник молчал. Смотрел на карту, потом на Андрея. Потом снова на карту.

— Откуда у тебя эти данные, лейтенант?

— Разведка, — сказал Андрей. — Наши разведчики ходили. Не вернулись, но данные передали.

Это была ложь. Наглая, опасная. Но он не мог сказать правду: «Я читал об этом в книгах, товарищ полковник. Я знаю, что будет дальше. Знаю, что вы погибнете, если останетесь здесь. Знаю, что кольцо сожмётся через два дня».

Полковник долго молчал. Потом сказал:

— Приказ есть приказ. Стоять. — Он посмотрел на Андрея. — Можешь идти, лейтенант. Раненого оставь в санчасти. Остальные — в резерв.

Андрей вышел из блиндажа. Внутри всё кипело. Стоять. Стоять насмерть. Они будут стоять, и их перебьют. Я знаю это. Я читал это. Но я никто — лейтенант без документов, без приказа, без части.

Он посмотрел на своих. Одиннадцать человек. Панова, который смотрел на него с ожиданием. Ковалёва, который уже спал в санчасти. Петю с обожжённым лицом.

Он не мог их бросить. И не мог остаться.

Утром пришла беда. Немцы ударили с двух сторон — танки с запада, пехота с севера. Штаб оказался в клещах. Началась паника. Машины застряли в грязи, связные бегали с бумагами, которые уже ничего не значили. Крики, стрельба, разрывы.

Андрей схватил своих.

— Уходим. Сейчас.

— А приказ? — спросил Панов.

— Приказа больше нет, — отрезал Андрей. — Есть только мы. Идём на юг, к Угре. Там разрыв.

Они побежали. За спиной горели машины, рвались снаряды. Кто-то кричал: «Стой! Куда! Измена!» — но было уже не до них.

Они вышли к лесу. Андрей оглянулся. Штаб исчезал в дыму. Полковник остался там. Он не мог его спасти.

Он сжал зубы и пошёл дальше.

К вечеру они наткнулись на остатки роты — тридцать человек, измученных, злых. Командир роты, капитан с перевязанной головой, слушал Андрея и не верил.

— Прорыв? На юге? Ты кто такой, чтобы указывать?

— Я тот, кто знает, что на востоке нам конец, — сказал Андрей. — На востоке — шоссе, танки, пулемёты. На юге — разрыв. Если мы пойдём сейчас, к утру будем у своих.

— А если ты врёшь?

— Тогда расстреляйте меня. Но сначала посмотрите на карту.

Капитан смотрел. Долго. Потом сказал:

— Ладно. Но если ты нас заведёшь — я тебя лично пристрелю.

— Договорились

Они пошли на юг. Сорок человек. Усталые, голодные, без связи, без приказа. И с лейтенантом, который знал то, чего знать не мог.

Андрей шёл и думал: эффект бабочки. Один взмах крыла. Я уже изменил что-то. Спас этих людей. Может быть, они выживут. Может быть, я — тоже.

Но что будет дальше? Что, если мои знания неточны? Что, если я ошибаюсь?

Он не знал ответа. Он просто шёл вперёд. В грязь. В неизвестность. К разрыву, которого, может быть, уже нет.

Глава 4. Незнакомец в шинели

К рассвету их стало сорок три. Тридцать бойцов капитана Сомова, одиннадцать из группы Андрея и двое случайных — санитар с разбитой повозки и пожилой красноармеец, потерявший свою часть ещё неделю назад. Люди были разные: кадровые и ополченцы, москвичи и сибиряки, злые и равнодушные. Но всех их объединяло одно — они шли за Андреем. Не потому, что верили ему. Просто у них не было другого выбора.

Они остановились на днёвку в глубоком овраге, поросшем ольхой. Костров не разжигали — немцы могли заметить дым. Ели сухари, размоченные в дождевой воде, и то, что нашли в вещмешках убитых. Андрей сидел на поваленном стволе, жевал чёрствый хлеб и смотрел на карту — старую, потрёпанную, найденную в планшете одного из погибших командиров.

Карта была плохая. Немецкая. Трофейная. Но других не было.

— Товарищ лейтенант.

Андрей поднял голову. Перед ним стоял старшина Панов. Рядом — двое незнакомых. Первого Андрей видел мельком — высокий, худой, в очках с треснувшим стеклом, с планшеткой на боку. Второй был в кожаном реглане, с маузером в деревянной кобуре. Комиссар. Это читалось сразу — по манере держаться, по взгляду, по тому, как он смотрел на Андрея.

— Это товарищ Кравцов, — Панов кивнул на человека в очках. — Радист. Из штаба двадцатой армии. Рация у него была, но разбилась при бомбёжке. Руки целы, голова тоже.

Радист нервно поправил очки. Молодой — лет двадцати пяти, не больше. Лицо интеллигентное, городское. Не боец. Но в глазах — упрямство.

— А это, — Панов чуть замешкался, — товарищ Багров. Комиссар батальона. Из той же части, что и Кравцов.

Багров шагнул вперёд. Смотрел на Андрея сверху вниз, хотя был ниже ростом. Взгляд — колючий, недоверчивый.

— Лейтенант Воронов, — сказал он, и это прозвучало как вопрос. — Из штаба армии. Документов нет. Части нет. Приказа нет. Зато есть знание, куда идти. Так?

Андрей поднялся. Спокойно, без вызова. Он знал этот тип людей — комиссары были везде, и в сорок первом они были особенно подозрительны. Время такое. Шпиономания, паника, поиск виновных.

— Так, — сказал Андрей. — Документы потерял при бомбёжке. Часть разбита. Приказ — выходить из окружения. Это вы и сами знаете.

— Знаю, — Багров прищурился. — Только вот странно. Все выходят на восток. А ты ведёшь людей на юг. Почему?

— Потому что на востоке — немцы. На юге — разрыв.

— Откуда сведения?

— Разведка.

— Какая разведка? У тебя нет ни разведчиков, ни связи. Ты в окружении третий день. Откуда ты знаешь, где разрыв?

Андрей молчал. Он не мог сказать правду. И врать дальше становилось всё труднее — каждая ложь требовала новой, и этот клубок рано или поздно должен был запутаться.

— Товарищ комиссар, — сказал он наконец. — У нас сорок три человека. Раненые. Без связи, без боеприпасов, без еды. Если мы пойдём на восток — нас перебьют. Если на юг — есть шанс. Я не могу гарантировать, что мы прорвёмся. Но я знаю, что на востоке — смерть.

Багров смотрел на него долго. Потом сказал:

— Знаешь или думаешь?

— Знаю.

— Докажи.

— Не могу. Просто доверьтесь.

Комиссар усмехнулся. Криво, без веселья.

— Доверие, лейтенант, надо заслужить. А ты пока — никто. Лейтенант без документов. Может, ты немецкий диверсант. Может, дезертир. Может, просто сумасшедший. Я не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.